EDN: VEIEWV УДК 821.161.2.09“19”

Советский роман воспитания 1920-х годов: миромоделирующие принципы в изображении детства героев

Шестакова Елена Юрьевна
кандидат филологических наук, доцент кафедры литературы и русского языка Гуманитарного института, филиал Северного (Арктического) федерального университета им. М. В. Ломоносова в г. Северодвинске. Россия, г. Северодвинск.
ORCID: 0000-0001-5764-0576. E-mail: shestackova.lena2013@yandex.ru

Аннотация. Целью настоящего исследования стало рассмотрение миромоделирующих принципов в изображении детства героев в советском романе воспитания 1920-х годов. Материалом работы явились повести А. П. Гайдара «Школа», Н. Огнева «Дневник Кости Рябцева» и роман Е. И. Замятина «Мы». Актуальность исследования определяется неослабевающим интересом современных интерпретаторов к проблеме жанра советского романа воспитания. В качестве основных методов работы можно назвать сравнительно-исторический и историко-литературный. В советском романе воспитания находят продолжение традиции предшественников (Ф. М. Достоевского, А. П. Чехова, Н. Г. Помяловского, Н. Г. Гарина-Михайловского): изображение «несчастного» детства, страданий ребенка, его сиротства, оставленности, процесса становления и взросления в непростых внешних обстоятельствах. Историческое время является неотъемлемой частью процесса вхождения героя в «большой» мир. Он меняется вместе с эпохальными событиями, происходящими в стране. Безмятежная жизнь ребенка прерывается чередой революций и войн (Первая мировая война, Гражданская война). Исторические перемены оцениваются положительно. Участвуя в них, герой проходит путь от внутренней стихийности к следованию общей идее. В советском романе воспитания преобладает тема «тяжелого детства». Авторы подчеркивают, что трудное детство возможно до революции, после нее наступает время счастья и гармонии. В основе выстроенной советским государством системы общественного воспитания и образования лежит идея включения в жизнь коллектива. Коллектив становится домом и семьей, которые герой утратил в ходе исторических катаклизмов. Результаты исследования можно использовать в практике школьного и вузовского образования.

Ключевые слова: советский роман воспитания, миромоделирующие принципы, тема детства, идея обезличивания, А. П. Гайдар, Н. Огнев, Е. И. Замятин.

Целью статьи является раскрытие миромоделирующих принципов в изображении детства героев в советском романе воспитания 1920-х годов. В центре внимания находятся повести А. П. Гайдара «Школа» (1929), Н. Огнева «Дневник Кости Рябцева» (1926), роман Е. И. Замятина «Мы» (1920). Задачи исследования: 1) выявить специфику миромоделирования в повести А. П. Гайдара «Школа»; 2) показать своеобразие образа мира и человека в «Дневнике Кости Рябцева» Н. Огнева; 3) раскрыть особенности миромодели в романе Е. И. Замятина «Мы»; 4) сделать выводы и обобщения. Методологической основой работы выступили сравнительно-исторический, историко-литературный методы. Творчество советских писателей находится в центре внимания современного литературоведения. Это обусловило актуальность исследования. Новизна работы определяется миромоделирующим подходом к анализу произведений.

1917 год стал переломным в истории отечественной литературы. Многие деятели русской культуры и искусства вскоре после революционных событий навсегда покинули пределы страны. Их творческая деятельность оказалась связана с зарубежьем. Писатели, поэты, драматурги, принявшие произошедшие перемены, участвовавшие в установлении нового государства, сформировали и определили совершенно новое направление литературного развития. В их творчестве нашли отражение социальные, философские, нравственные ценностные установки эпохи, появляется новый герой, язык, стиль, складывается особое восприятие мира и человека.

Роман воспитания продолжает свою «жизнь» в советской литературе, наследуя то, что создано предшественниками (Л. Н. Толстой, Ф. М. Достоевский, М. Горький), и вместе с тем претерпевая существенные изменения. Становление героя остается основным сюжетным стержнем в советском романе воспитания. Авторы следуют традиционному «делению» жизни

© Шестакова Елена Юрьевна, 2026

героя на периоды. Так, *А. П. Гайдар* в *повести «Школа»* (1929) в соответствии с толстовской традицией располагает все события в линейной временной последовательности, в результате появляются три части: «Школа» (детство), «Веселое время» (отрочество), «Фронт» (юность). Узнаваемым является и постепенное разрушение идиллии детства. В начале повести появляется образ идеального гармоничного мира – того, каким его воспринимает ребенок. Мотив тишины, образ сада и связанный с ним мотив изобилия, мотив благодатного Божьего присутствия («Город был похож на монастырь: стояло в нем около тридцати церквей да четыре монашеских обители») [1, с. 93] становятся ведущими в воссоздании картины безмятежного мира детства. Идиллию несколько нарушает одиночество героя, заброшенность со стороны матери и отца, но в целом эта ситуация не причиняет ему страданий. Голиков занимается невинными детскими играми (летом строит с другом плот, луки и стрелы, играет в городки).

Важным является то, что историческое время в еще большей степени, нежели в дореволюционный период, заявляет о себе в нарративной структуре текстов этой поры. В повести «Школа» становление героя неразрывно связывается с опытом Первой мировой войны, возникновением политических кружков и организаций, революции и Гражданской войны. Эпохальные исторические события, в которых принимает участие Борис Гориков, заставляют его искать ответы на вопросы о добре и зле, смысле жизни и смерти, мнимом и настоящем товариществе, границах исполнения воинского долга, внутренней красоте или безобразии человека. Ему важно понять, меняются ли эти представления в суровых военных реалиях, в новой действительности, или остаются прежними.

Первая Мировая война приносит много бедствий, нарушает налаженную жизнь людей: «Многие хозяйства разорились. Работать в полях было некому, и в город потянулись нищие – старики, бабы и ребятишки» [1, с. 128]. Эти наблюдения стали первым открытием, которое делает Борис. Он начинает замечать, что в городе не хватает продуктов, появилось много раненых; многие из тех, кого он знал, погибли. Дезертирство и расстрел отца становятся первыми событиями, с которых начинается быстрое взросление Бориса. Идиллическая жизнь героя и городка окончательно нарушается с наступлением февральской революции 1917 года – на смену прежнему устоявшемуся порядку приходит хаос. Герой меняется вместе с историей, социальные катаклизмы лишают его состояния детской безмятежности, радости жизни, заставляют быстро взрослеть. Нарушается и размеренность гимназических будней, Борис начинает проходить жестокую «школу» жизни. Финальные события первой части «Школа», когда отца Голикова уводят на казнь, определяют конец детства героя. Примечательно, что здесь А. П. Гайдар следует сложившейся традиции (смертью матери заканчивается детство Николеньки Иртеньева – героя повести Л. Н. Толстого «Детство»).

Отрочество для Горикова начинается с событий февральской революции 1917 года, когда наступает время политического выбора. Борис слушает ораторов от разных партий (эсеров, кадетов, анархистов, большевиков и т. д.). Нарративный дискурс здесь превращается в «сложное коммуникативное явление, которое включает в себя и социальный контекст, дающий представление как об участниках коммуникации (и их характеристиках), так и о процессах производства и восприятия сообщения» [1, с. 113]. Важным открытием для Бориса становится то, что его отец был большевиком. Последующий выбор героя во многом определяется этим обстоятельством. Еще одним потрясением для Бориса становится разлад с другом Федькой, в основе которого лежат разные политические взгляды и отношение к происходящим историческим событиям. Бывший друг становится предателем и врагом.

Взросление и становление героя связывается с умением вскочить на одну из ступеней вагона, его путешествием в «большой» мир, полный конфликтов и противоречий. Финал второй части обозначает конец детства героя. Оно совпадает с революцией. Дальше начинается череда побегов. Нарративный характер дискурса в начале третьей главы «Фронт» обнаруживает себя через вербальное раскрытие событий. Письмо к матери обозначает новый период в процессе взросления Бориса Горикова. Побегом завершается и пребывание у белых.

В повести А. П. Гайдара формируется «соцреалистический протоканон», определяемый «универсальной идеей соцреалистического романа – воспитанием трудящихся в духе социалистического реализма» [7, с. 2079]. Модель мира в произведении выстраивается сквозь призму сознания героя, для которого важна четкая идеологическая позиция: «свой»/враг, склонность к предательству/честность. Основное внутреннее движение Горикова определяется желанием восстановления справедливости в мире. Постепенно Борис Гориков определяется с позицией по отношению к встречающимся людям, среди которых есть «враги» (белые),

требующие уничтожения: «Он даже и не повстанец, потому что сам боится кулаков, он – настоящий белый» [1, с. 224]. Когда герой первый раз убивает, он понимает, что детские игры закончились. Им овладевает сильнейшее чувство страха и ужаса перед совершенным деянием, просыпаются муки совести. Постоянная близость смерти (в особенности это ощущение обостряется во время плена) рождает в душе героя понимание ценности жизни.

Становление Горикова определяется движением от интуитивного выбора к осознанному послушанию. Он отказывается от личностного, раздробляющего начала в пользу общественной необходимости. Постепенно он начинает понимать, с кем и ради чего сражается. Идеология партии становится его собственной. Чувство коллективизма является определяющим в деле борьбы, поиск «светлой жизни» должен осуществляться совместно, сообща. Можно с уверенностью говорить о том, что в советском романе воспитания происходит изменение в большей степени не самого героя, но отношения к общей идее. Герой изначально добродетелен, ему не нужно исправляться. Главная его задача – правильный выбор, принятие надличностного начала. Он не только сам превращается в идеолога партии, государства, но и уверяет в необходимости следования этим идеям окружающих людей. Кульминационным событием становится готовность Бориса подать заявление о вступлении в партию. Вступление в партийные ряды воспринимается Гориковым и командиром Шебаловым как сакральный ритуал, заменяющий христианский обряд крещения. Надеждой на то, что «светлая жизнь» будет обретена всеми, заканчивается повесть А. П. Гайдара.

Становление героя в *повести Н. Огнева «Дневник Кости Рябцева»* (1926) приходится на 1920-е годы. Его взросление связано с происходящими в стране социальными, идеологическими, воспитательными изменениями. Рябцев обучается в школе, в которой вводят «Дальтон-план». Оценка новой системы обучения дается героем с идеологической точки зрения: «Я так скажу: на кой нам этот буржуазный план?» [6, с. 9]. Неудача образовательного подхода объясняется Рябцевым тем, что он создавался в иных социальных условиях (нищетой, голодом «участников» процесса). За этим суждением скрыт опыт тяжелого детства, связанный с ситуацией разрушенности страны после революции и Гражданской войны.

Модель мира в «Дневнике Кости Рябцева» выстраивается в соответствии с установками исторического времени. Окружающие люди в представлении героя делятся на «буржуев» и «не буржуев». Для первых характерны только отрицательные нравственные качества, вторые наделяются чертами надежности, справедливости, добропорядочности, человечности и т. д. Если это вступает в противоречие с действительностью, мальчик испытывает чувства сожаления и разочарования. Реалии исторического времени в оценке героем окружающих людей проявляются и в том, что он и другие дети называют одну из учениц Фашисткой. Представления о добре и зле Костя черпает из «политграмоты».

Перед нами – описание попытки создания новой школы, которая должна быть полностью противопоставлена дореволюционной системе воспитания и образования. Советских учащихся стремятся приучить к самоорганизации, в связи с чем появляются учкомы, штрафные журналы. Костя постоянно напоминает о том, что он ученик нового поколения. Он возмущен, что его учительница-«естественница» наказывает, выгоняя из класса: «– Вы больше похожи на учительницу старой школы, это только они так имели право» [6, с. 11]. Автор указывает, что его повесть призвана отразить положительные изменения в образовательной системе по сравнению с тем, какой она предстает в «Очерках бурсы» Н. Г. Помяловского. Примечательно, что «нарративная ценность рассказывания» в повести проявляется в поучительности [8, с. 83]. Костя убежден, что его поколение заслуживает к себе уважения прежде всего потому, что оно многое испытало: настоящий голод, нищету, холод. Он вспоминает, как тяжело приходилось кормить членов семьи, с каким трудом доставать хлеб. Некоторые дети (подростки) даже успели принять участие в Гражданской войне. Все это сформировало многоопытность, «взрослость». Рябцев понимает, что учителя не имеют права обращаться с ними как с детьми.

Идея включенности личности в жизнь коллектива в полной мере близка Рябцеву. Он возмущен поведением Зои Травниковой, которая пошла против общих правил, предала на собрании товарища. В школе коллективно решается всё: личные вопросы, учебные, совершенные кражи, грубость Рябцева по отношению к учительнице. Обезличивание воспринимается абсолютной нормой существования в обществе. Директор Никпетож уходит из школы, так как осознал, что в какой-то момент предал служение общей идее, сделал личный выбор. Одинаковыми должны быть и представления о происхождении человека, существовании Бо-

га. Неприятным открытием для Кости является то, что в этом вопросе в обществе нет единого мнения. Это создает ощущение хаоса, неопределенности, неустойчивости бытия. Конфликт проникает во внутрисемейные отношения (рассказ Сильвы, одноклассницы Рябцева). Процесс становления героя обусловлен движением от конфликтного противостояния с обществом, протеста против правил к полному и безусловному принятию его норм. Он подает заявление о вступлении в комсомольскую ячейку, становится комсомольцем, организовывает в школе форпост пионеров. Главную цель своей жизни Костя определяет так: «…прожить с пользой для себя и для других и потом бороться за всеобщий коммунизм» [6, с. 50]. Этому высказыванию придается высокая информативная значимость. Герой определяет свое место в будущем «большом» времени.

Становление героя как движение к обезличиванию, включению в жизнь коллектива и, шире, полному растворению в нем прослеживается в *романе Е. И. Замятина «Мы»* (1920) – «особом типе романа воспитания, созданном в русле новой психологической прозы» [4, с. 2079–2085]. Д-503 родился, был воспитан и вырос в мире, построенном по закону «квадратной гармонии» [3, с. 212]. Его главная цель – «разогнуть дикую кривую, выпрямить ее по касательной – асимптоте – по прямой» [3, с. 212]. Это в полной мере отвечает задаче Единого Государства – построение математически выверенной жизни. Пространственным центром модели мира, в котором живет Д-503, является Город, построенный по принципу четырехугольника и отгороженный от остального (природного) локуса Зеленой Стеной. Перед нами предстает детально выверенный, строго структурированный мир. Важно, что «художественное пространство в романе имеет условный характер и становится символическим воплощением сознательной и бессознательной сферы с помощью Стены, отделяющей город (Единое Государство) от дикой природы» [3, с. 10]. В пространственной структуре романа большое значение обретает образ дома (поиск истинного дома взамен стеклянных «квартир» города, Древний Дом) и пути, дороги, связанный с процессом поиска, становления. Несмотря на солидный возраст (более 30 лет), Д-503 оказывается «ребенком», который должен совершить «путешествие», повзрослеть. Всем, кто живет в Городе, внушено, что они абсолютно счастливы. Это ощущение сродни детскому, где есть «любящий родитель» – Благодетель. Ему дано сакральное право нового Бога (взамен «старого») защищать и заботиться обо всех «нумерах». Незримо везде присутствуют «защитники» – Хранители. Вне внимания жителей Города, как и самого героя, оказывается то, что за малейшее нарушение установленного порядка «нумера» подвергаются пыткам и полному уничтожению.

Тема несвободы, возникающая в связи с воссозданной в замятинском романе моделью мира, трактуется положительно (с точки зрения Д-503). Понятие свободы сближается с преступлением. Счастье оказывается неразрывно связано с несвободой. Особое наслаждение Д-503 ощущает во время звучания Марша Единого Государства, когда «я» исчезает и появляется «мы». Каждую минуту времени «нумеров» в Едином Государстве регламентирует Часовая Скрижаль, заменяющая икону. Герой, как и все жители государства, в своих представлениях об истории, мире руководствуется тем, что определено Единой Государственной Наукой, которая априори не может ошибаться. Регламентируется интимная жизнь (встреча мужчины и женщины возможна только при выдаче талона), и только в строго определенное время можно закрыть шторы в стеклянном доме, отгородиться от всех.

Герой Е. И. Замятина существует во времени. В своих Записях он фиксирует определенные периоды своей жизни. Для Д-503 принципиально значимы моменты начала жизненного пути – детства. Он вспоминает, как плакал, когда в праздник обнаружил пятнышко на одежде. Его детство, как это принято в Городе, прошло без семьи, обучение осуществляли роботы-учителя. Д-503 воспитан с абсолютной верой в незыблемость законов и установок Единого Государства. Это во многом объясняет его финальный выбор. Примечательно, что в детстве герой был способен на спонтанные поступки, стихийные решения. Детство связано с бессознательным началом, не поддающимся разумной логике. Повзрослев, от утратил эту способность. Герой описывает свою работу – построение ИНТЕГРАЛА, оценивает окружающих его людей, происходящие события. Его сознание определяет нарративную стратегию романа.

Д-503 счастлив от того, что способен всего себя отдать Единому Государству. Идея жертвенного растворения в общей жизни звучит в рамках нарративной структуры романа настойчиво повторяющимся рефреном: «…мы же приносим жертву нашему Богу, Единому Государству» [3, с. 241]. Впервые испытанные страсть, любовь пробуждают в герое состояние конфликта с самим собой, он испытывает сильнейший страх. Возникшие мысли, чувства, пе-

реживания не вписываются в общую систему математически выверенного мира Единого Государства. Сны, которые он стал видеть, воспринимаются как болезнь. Мотив соблазнения Евы Адамом прочитывается в сцене первой встречи с I-330. Д-503 ощущает близость смерти, расставания с собой прежним, но его прежде всего волнует то, что он перестает быть единым целом с Государством. Д-503 проходит опыт инициации, «умирания», после которого он по-новому начинает глядеть на мир, людей, оценивать их поступки. Формирование личности героя происходит не в результате преодоления внешних препятствий, а в итоге осмысления противоречий, обнаруженных в себе внутренних изменений. Отделение себя от общей массы приводит к возникновению вопросов о себе. Он впервые осознаёт себя отдельной личностью, индивидуальностью. У героя появляется душа, осознание этого приводит к тому, что он называет себя не «нумером», а человеком. Д-503 возвращается к детству – способности совершать нелогичные, бунтарские поступки. Он начинает сомневаться в правильности устройства Единого Государства, действий Благодетеля и Хранителей. Сакральная сущность Благодетеля утрачивается, он видится обычным человеком.

В нарративной структуре романа важным является образ тени. Когда начинается процесс становления Д-503, он постоянно ощущает присутствие в себе некоего теневого начала. Тень – это то, кем герой хочет быть на самом деле. Скрытая от всех «теневая» личность Д-503 проявляется через символические образы (например, двойника). Речь идет о том, что герой встречается с самим собой, своим «я». Ощущение болезненности, ненормальности собственного состояния ни на миг не покидает Д-503. В финале герой не выдерживает груза мыслей и переживаний, не хочет страдать и мучиться, возвращается к спасительному для себя отказу от ответственности, обезличиванию, безусловному подчинению внешней всезнающей, защищающей силе (Единое Государство, Благодетель). В романе проявляется многосложность, многоаспектность архетипа Ребенка. С одной стороны, с ним связано стихийное, иррациональное начало человеческого сознания, с другой – стремление отказаться от своего «я», своей личности, индивидуальности, желание уйти от сложных, мучительных размышлений и переживаний в мир безмятежности, простоты, блаженного неведения, подчинения внешней руководящей силе, защищающей и одновременно жестокой, карающей. В результате возникает трансформация традиционной нарративной структуры жанра романа воспитания. Герой возвращается к исходной ситуации, к тому, с чего начал свой путь становления, добровольно отказался от полученного опыта, полностью его обесценив. Отказ от себя – это и отказ от бессознательного стихийного начала, свойственного человеческому сознанию, стремлению все подчинить математически выверенной логике, разумной необходимости, стройности.

Итак, советский роман воспитания продолжает традиции предшественников и одновременно с этим значительно их трансформирует. Историческое время является неотъемлемой частью процесса становления героя, определяет его взросление. Герой меняется вместе с эпохальными событиями, происходящими в стране. Идиллическое безмятежное существование героя-ребенка (отрока) прерывается Первой мировой войной, революцией, Гражданской войной. Исторические перемены оцениваются как благотворные для страны. Герой, участвуя в них, проходит путь от страданий к радости, от хаоса к упорядоченности. Модель «тяжелого детства», преобладающая в советском романе воспитания, призвана подчеркнуть: трудное детство было возможно только до революции, после нее и последовавшей за ней Гражданской войны выстроенная советским государством система общественного воспитания и образования, в основе которой лежит идея включения в жизнь коллектива, способна вернуть герою «дом», «большую семью», счастливое детство. В основе идеи коллективизма советского романа воспитания лежат представления о мире, сформировавшиеся внутри русского литературного процесса XIX века.

Список литературы

1. *Абзаидова Н. В., Кадырова К. А.* К вопросу о жанре романа Е. Замятина «Мы» // Мир науки, культуры, образования. 2018. № 6 (73). С. 536–538.

2. *Гайдар А. П.* Собрание сочинений : в 4 т. Т. 1. М. : Дет. лит., 1971. 377 с.

3. *Гончаров М. А., Кривко Я. П.* Произведения Аркадия Гайдара в детской периодике 20-х – начала 40-х годов XX века // Проблемы современного образования. 2024. № 2. С. 105–114.

4. *Дейк ван Т. А.* Язык. Познание. Коммуникация. М. : Прогресс, 1989. 310 с.

5. *Есаулов И. А.* Религиозный вектор советской литературы // Категория соборности в русской литературе. Петрозаводск : Издательство Петрозаводского университета, 1995. С. 159–189.

6. *Замятин Е. И.* Собрание сочинений : в 5 т. Т. 2. Русь. М. : Русская книга, 2003. 590 с.

7. *Кан Бён Юн*. Роман воспитания в литературе XX века: «Мы» Е. Замятина и новый тип экспликации процесса формирования личности // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. 2010. № 3. С. 160–165.

8. *Кан Бён Юн*. Роман Е. Замятина «Мы» в свете теории архетипов К. Г. Юнга : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2010. 26 с.

9. Кантор В. К. О сошедшем с ума разуме к пониманию контрутопии Е. И. Замятина «Мы» // Философский журнал. 2012. № 3 (62). С. 97–101.

10. *Маслинская С. Г.* «Дневник Кости Рябцева» Н. Огнева в американской критике конца 1920-х годов // Детские чтения. Т. 12, № 2. С. 325–336.

11. *Огнев Н*. Собрание сочинений. Т. 3. Кн. 1. М. : Федерация, 1929. 294 с.

12. *Октябрьская О. С*. Формирование и развитие жанровой системы в русской детской прозе 1920–50-х годов. М. : МАКС Пресс, 2016. 245 с.

13. *Осьмухина О. Ю*., *Овсянникова Е. П*. Особенности репрезентации жанровой традиции романа воспитания в русской прозе конца 1920-х годов // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2024. Т. 17, вып. 6. С. 2079–2085.

14. *Токарева Т. Н.* Традиции романа воспитания в советской литературе // Вестник ВГУ. Серия: Филология. Журналистика. 2011. № 1. С. 93–97.

15. *Тюпа В. И*. Горизонты исторической нарратологии. СПб. : Алетейя, 2021. 270 с.

The Soviet Bildungsroman of the 1920s: World-Modeling Principles in the Depiction of the Characters' Childhood

Shestakova Elena Yuryevna

PhD in Philology, associate professor of the Department of Literature and Russian Language of the Institute of Humanities, Branch of the M. V. Lomonosov Northern (Arctic) Federal University in Severodvinsk. Russia, Severodvinsk. ORCID: 0000-0001-5764-0576. E-mail: shestackova.lena2013@yandex.ru

Abstract. The aim of the present study was to examine the world-modeling principles in the depiction of the characters' childhood in the Soviet Bildungsroman of the 1920s. The material of the work consisted of A. P. Gaidar's novella "School", N. Ognev's "The Diary of Kostya Ryabtsev", and E. I. Zamyatin's novel "We". The relevance of the study is determined by the unabating interest of contemporary interpreters in the problem of the genre of the Soviet Bildungsroman. The principal methods of the work may be named as the comparative-historical and the historical-literary. In the Soviet Bildungsroman the traditions of its predecessors (F. M. Dostoevsky, A. P. Chekhov, N. G. Pomyalovsky, N. G. Garin-Mikhailovsky) find their continuation: the depiction of an "unhappy" childhood, of the child's sufferings, of his orphanhood and abandonment, and of the process of formation and maturation in difficult external circumstances. Historical time is an inalienable part of the process of the hero's entry into the "large" world. He changes together with the epochal events taking place in the country. The child's serene life is interrupted by a succession of revolutions and wars (the First World War, the Civil War). Historical changes are evaluated positively. By participating in them, the hero travels the path from inner spontaneity to adherence to a common idea. In the Soviet Bildungsroman the theme of a "hard childhood" predominates. The authors emphasize that a difficult childhood is possible before the revolution, and that after it comes a time of happiness and harmony. At the basis of the system of public upbringing and education built by the Soviet state lies the idea of inclusion in the life of the collective. The collective becomes the home and family that the hero lost in the course of historical cataclysms. The results of the study may be used in the practice of school and university education.

Keywords: Soviet Bildungsroman, world-modeling principles, the theme of childhood, the idea of depersonalization, A. P. Gaidar, N. Ognev, E. I. Zamyatin.

References

1. *Abzaidova N. V., Kadyrova K. A. K voprosu o zhanre romana E. Zamyatina "My"* [On the Genre of E. Zamyatin's Novel "We"] // *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya* – The World of Science, Culture, and Education. 2018. No. 6 (73). Pp. 536–538.

2. *Gajdar A. P. Sobranie sochinenij : v 4 t. T. 1* [Collected Works : in 4 vols. Vol. 1]. M., Det. lit. (Children's Literature), 1971. 377 p.

3. *Goncharov M. A., Krivko Ya. P. Proizvedeniya Arkadiya Gajdara v detskoj periodike 20-h – nachala 40-h godov XX veka* [The Works of Arkady Gaidar in Children's Periodicals of the 1920s – Early 1940s] // *Problemy sovremennogo obrazovaniya* – Problems of Modern Education. 2024. No. 2. Pp. 105–114.

4. *Dejk van T. A. Yazyk. Poznanie. Kommunikaciya* [van Dijk T. A. Language. Cognition. Communication]. M., Progress, 1989. 310 p.

5. *Esaulov I. A. Religioznyj vektor sovetskoj literatury* [The Religious Vector of Soviet Literature] // *Kategoriya sobornosti v russkoj literature* [The Category of Sobornost in Russian Literature]. Petrozavodsk, Izdatel'stvo Petrozavodskogo universiteta, 1995. Pp. 159–189.

6. *Zamyatin E. I. Sobranie sochinenij : v 5 t. T. 2. Rus'* [Collected Works : in 5 vols. Vol. 2. Rus]. M., Russkaya kniga (The Russian Book), 2003. 590 p.

7. *Kan Byon Yun. Roman vospitaniya v literature XX veka: "My" E. Zamyatina i novyj tip eksplikacii processa formirovaniya lichnosti* [The Bildungsroman in 20th-Century Literature: E. Zamyatin's "We" and a New Type of Explication of the Process of the Formation of Personality] // *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 9. Filologiya* – Moscow University Bulletin. Series 9. Philology. 2010. No. 3. Pp. 160–165.

8. *Kan Byon Yun. Roman E. Zamyatina "My" v svete teorii arhetipov K. G. Yunga : avtoref. dis. … kand. filol. nauk* [E. Zamyatin's Novel "We" in the Light of C. G. Jung's Theory of Archetypes : abstract of the dis. ... PhD in Philology]. M., 2010. 26 p.

9. *Kantor V. K. O soshedshem s uma razume k ponimaniyu kontrutopii E. I. Zamyatina "My"* [From Reason Gone Mad to an Understanding of E. I. Zamyatin's Counter-Utopia "We"] // *Filosofskij zhurnal* – The Philosophy Journal. 2012. No. 3 (62). Pp. 97–101.

10. *Maslinskaya S. G. "Dnevnik Kosti Ryabceva" N. Ogneva v amerikanskoj kritike konca 1920-h godov* [N. Ognev's "The Diary of Kostya Ryabtsev" in American Criticism of the Late 1920s] // *Detskie chteniya* – Children's Readings. Vol. 12, No. 2. Pp. 325–336.

11. *Ognev N. Sobranie sochinenij. T. 3. Kn. 1* [Collected Works. Vol. 3. Book 1]. M., Federaciya (Federation), 1929. 294 p.

12. *Oktyabr'skaya O. S. Formirovanie i razvitie zhanrovoj sistemy v russkoj detskoj proze 1920–50-h godov* [The Formation and Development of the Genre System in Russian Children's Prose of the 1920s–1950s]. M., MAKS Press, 2016. 245 p.

13. *Os'muhina O. Yu., Ovsyannikova E. P. Osobennosti reprezentacii zhanrovoj tradicii romana vospitaniya v russkoj proze konca 1920-h godov* [Features of the Representation of the Genre Tradition of the Bildungsroman in Russian Prose of the Late 1920s] // *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* – Philology. Theory and Practice. 2024. Vol. 17, Is. 6. Pp. 2079–2085.

14. *Tokareva T. N. Tradicii romana vospitaniya v sovetskoj literature* [The Traditions of the Bildungsroman in Soviet Literature] // *Vestnik VGU. Seriya: Filologiya. Zhurnalistika* – Proceedings of Voronezh State University. Series: Philology. Journalism. 2011. No. 1. Pp. 93–97.

15. *Tyupa V. I. Gorizonty istoricheskoj narratologii* [The Horizons of Historical Narratology]. SPb., Aletejya, 2021. 270 p.

Поступила в редакцию: 23.01.2026
Принята к публикации: 14.04.2026